

Днём позже армия Темпеста разбила лагерь на близлежащем холме, с которого открывался вид на обугленные руины деревни внизу. Его флот встал на якорь у берега, и палатки были расставлены ровными рядами, что резко контрастировало с разрухой, свидетелями которой они стали всего день назад. Воздух наполняли звуки солдат, устанавливающих снаряжение, и отдалённый звон доспехов, но Темпест стоял в одиночестве на краю холма, вдали от суеты лагеря.

В руке он держал чашку кофе, и её тепло было слабым утешением на прохладном утреннем ветру. Его взгляд был устремлён на далёкую деревню, или, скорее, на то, что от неё осталось: тлеющие руины, разрушенные здания и тёмные клубы дыма, которые всё ещё висели на горизонте. Некогда процветающее поселение превратилось в кладбище, свидетельствующее о жестокости Бездны и суровых условиях выживания.

Темпест сделал медленный глоток, и горький вкус вернул его в настоящее, пока его мысли блуждали. Он принял решение разбомбить деревню, и, как он знал, этот шаг спас многих его людей, но цена была высока. Некоторые натланские воины сопротивлялись ему до конца, некоторые остались защищать свои дома, даже когда их уничтожила бомбардировка его флота. Их решимость была достойна восхищения, но в конечном счёте бесполезна.

И всё же на его плечах лежала не вина. Темпест редко позволял себе роскошь сожалеть. Приходилось принимать трудные решения, и сентиментальности не было места перед лицом уничтожения. Но его грызло тихое разочарование: битва стала суровым напоминанием о безжалостной природе Бездны и о предстоящей тяжёлой борьбе.

Мягкий голос Нахиды нарушил тишину, когда она подошла к Темпесту, её присутствие было нежным, но неоспоримым.

"А, доброе утро, Юный Паша".

Темпест ответил, почтительно кивнув ей, не отрывая взгляда от горизонта.

Нахида шла рядом с ним, глядя на тлеющие руины деревни внизу. При виде разрушений, обугленных остатков домов и земли, на которой они стояли, у неё сжалось сердце. Она сложила руки перед собой, и на её лице отразилась тяжесть трагедии.

"Было ли это лучшим решением?"

Спросила она тихим, но полным грусти голосом.

Темпест ответил, приподняв бровь, но не отрывая взгляда от далёкого дыма.

— Возможно. Может быть, я мог бы создать ещё более мощную стену из щитов, отправить больше подкрепления и затянуть эвакуацию. Но я не готов жертвовать сотнями своих людей ради деревни и людей, которых я едва знаю.

Его тон был твердым, лишённым сожаления, почти безразличным.

Нахида взглянула на него, озабоченно сдвинув брови.

«Буря... твоё безразличие меня беспокоит».

— Она тихо сказала, и в её голосе слышались разочарование и беспокойство.

Он коротко вздохнул, не отрывая взгляда от горизонта.

Сказал он, слегка пожимая плечами.

«Я предупредил жителей Натла, чтобы они эвакуировались. Но вместо этого они потратили драгоценное время на споры со мной, когда часы тикали. Их гордость... или, может быть, глупость? Честно говоря, это меня впечатляет».

Его слова были холодны, а в уголках губ играла лёгкая ухмылка.

Нахида покачала головой, выражение ее лица было мягким, но решительным.

— Я не думаю, что они были глупыми, Темпест. Они сражались за свои дома. Всё, что они построили, их семьи и воспоминания оказались под угрозой. Я восхищаюсь ими за то, что они встали на защиту этого, даже перед лицом неминуемой смерти. Разве ты не поступил бы так же?

Она вглядывалась в его глаза, надеясь, что в них мелькнёт огонёк понимания.

Сказал Темпест, его голос был ровным и непреклонным.

«Я бы сражался до последнего вдоха, чтобы защитить Фонтейн и его жителей. И я верю, что мои люди сделали бы то же самое. Но разница в том, что... это не Фонтейн, молодой паша».

Теперь он полностью повернулся к Нахиде, его взгляд был холодным и решительным.

«Не мой долг защищать этих людей. Если они дадут мне то, что я хочу, может быть, я и помогу. Но в нынешнем положении я не буду сражаться за то, что находится за пределами моей родины. Я не стану тратить жизни своих солдат на чужаков».

Выражение лица Нахиды смягчилось, когда она изучающе посмотрела на него.

— Я понимаю, насколько важна преданность своему народу, Темпест, я понимаю.

Она ответила, ее голос был мягким, но твердым.

«Но как же сострадание? Иногда дело не в долге, а в том, чтобы поступать правильно, потому что это правильно. Эти люди... может, они и не из Фонтейна, но они всё равно люди, и их жизни стоит защищать».

Она подошла на шаг ближе, сложив перед собой маленькие руки.

«Я понимаю преданность своему дому, но сострадание должно быть выше этого. Власть нужна не только для завоеваний, Темпест. Она нужна для того, чтобы возвышать, защищать. Если мы будем защищать только то, что принадлежит нам, то что станет с миром за пределами наших границ?»

Темпест глубоко вздохнул, чувствуя, как груз разговора ложится ему на плечи, и взглянул на Нахиду.

— Именно поэтому я и не хотел приводить тебя сюда.

— Он сказал это чуть тише, но с нотками раздражения. Он взглянул на неё, и уголок его рта дрогнул в полуулыбке, которая не коснулась его глаз.

«Ты слишком... наивен, юный Паша. Ты смотришь на мир идеалистическими глазами, и это достойно восхищения. Но война так не работает. Приходится принимать трудные решения. Я знал, что в конце концов ты будешь возражать против некоторых моих действий, но не думал, что это произойдёт так скоро».

Нахида встретила его взгляд, не дрогнув, с решительным, но мягким выражением лица.

— Может быть, и так. Но я не считаю это слабостью, Темпест. Невинность не означает слепоту к реальности, она означает желание видеть хорошее, даже когда мир настаивает на том, чтобы показать своё худшее.

Она подошла ближе, её невысокая фигура казалась ещё меньше рядом с ним, но, тем не менее, она была властной.

«Я понимаю, что не каждую жизнь можно спасти и что приходится делать трудный выбор. Но если что-то трудно, это не значит, что это нужно делать без сочувствия. Сила без сострадания приведёт лишь к разрушениям. Я не настолько наивен, чтобы думать, что в любой битве можно победить, но я верю в то, что нужно защищать правое дело, где бы оно ни было и кого бы оно ни касалось».

Её голос смягчился, когда она добавила.

«И я здесь не для того, чтобы останавливать тебя, Темпест. Я здесь, потому что верю, что ты можешь быть кем-то большим, чем просто завоевателем. Ты можешь стать тем, кто изменит мир к лучшему не только для Фонтейна, но и для всех остальных. Вот почему я здесь».

Её слова повисли в воздухе между ними, мягкий вызов, обернутый добротой.

"Даже несмотря на то, что твоего Отца давно нет в живых".

Тихо сказала Нахида, её голос был полон тихой мудрости.

«Его учение и влияние всё ещё отравляют тебя, Темпест. Но ты не твой Отец. Ты знаешь это лучше, чем кто-либо другой».

Она замолчала, изучая его лицо, словно пытаясь разглядеть человека за холодной маской, которую он часто носил.

«В последнее время я заметил в тебе кое-что новое, что-то другое. Ты стал проявлять больше эмоций, чем раньше, когда ещё не стал герцогом. И это хорошо, Темпест. Тебе следует проявлять эти эмоции не только перед близкими, но и перед другими».

Темпест на мгновение замолчала, осознавая вес ее слов, когда его взгляд переместился на остатки разрушенной деревни внизу. От воспоминаний об отце, выдающейся фигуре, сформировавшей все его мировоззрение, было трудно избавиться.

— пробормотал он, и в его голосе прозвучала горечь многолетней обиды.

«Как бы сильно я его ни презирал, его идеалы и влияние вбили мне в голову гвозди, как железные кольца в камень».

Он стиснул зубы, и в его памяти всплыли далёкие воспоминания о суровых уроках, строгих требованиях и непреклонной дисциплине.

«Он всегда считал, что только сила делает человека лидером. Эмоции, сострадание — всё это в его глазах было слабостью».

Темпест сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели.

«Я стал герцогом, чтобы превзойти его, стать чем-то большим, чем просто его тень. Но его голос... он всё ещё звучит в моих ушах, толкая меня на путь, который я ненавижу, где власть превыше всего».

«Я так отчётливо помню тот день, что эти слова до сих пор звучат у меня в голове».

— сказал Темпест, и в его голосе прозвучали нотки разочарования и печали.

«Я лично испытал на себе рациональность человечества. Я слишком хорошо знаю, что происходит, когда эмоции делают человека неразумным. Независимо от того, насколько мы верим в то, что модернизировались, независимо от того, какими социальными конструкциями мы обещаем жить, люди остаются глупыми созданиями. Мы думаем, что мы такие продвинутые, но когда нас загоняют в угол, мы всё равно отдаём предпочтение эмоциям, а не логике».

Он сделал паузу, погрузившись в воспоминания о суровых наставлениях отца, особенно о том судьбоносном дне, когда он впервые научился играть в шахматы. Фигуры на доске были не просто игрой, они были уроками жизни, стратегиями выживания в мире, полном хаоса и непредсказуемости.

«Я до сих пор слышу, как он говорит мне, чтобы я продумывала всё на три хода вперёд, всегда учитывала последствия, прежде чем действовать. «Чувства отвлекают, Темпест. Они затуманивают твой разум и ведут к краху».

Мягко вмешалась Нахида, в ее голосе слышалось беспокойство.

«Твой отец ушёл. Тебе не нужно цепляться за его идеалы. У тебя есть сила, чтобы проложить свой собственный путь, создать новое наследие, которое будет уважать твою силу и человечность».

«Я знаю... но эти проклятые слова — правда».

Он ответил, и его лицо посуровело, когда он вспомнил, как много раз эти учения воплощались в реальность.

«Эмоции всегда мешают. Они приводят к ошибкам, просчётам и трагедиям, подобным той, свидетелями которой мы только что стали. Я не могу позволить, чтобы это случилось снова».

Нахида смотрела на него с мягкой решимостью, понимая, с каким потрясением он столкнулся.

«Но гнев также может подтолкнуть к переменам, Темпест. Он может вдохновить на верность, мужество и сострадание. Да, ты видел глубины человеческой глупости, но ты также видел силу, которая приходит с единством и любовью. Может быть, пришло время принять и эту сторону».

Темпест встретил её взгляд, борясь с внутренней борьбой, которая бушевала в нём.

— Я сделаю то, что сочту нужным, молодой паша.

— заявил Темпест решительным тоном, не оставляющим места для дальнейших споров.

«И я рассчитываю, что вы не станете меня останавливать. Я так или иначе получу эти ресурсы».

Нахида тяжело вздохнула, озабоченно нахмурив брови, и попыталась подобрать правильные слова.

«Если бы она только была здесь, чтобы проявить немного больше сострадания».

Она пробормотала с ноткой тоски в голосе.

«Мы оба знаем, что ты бы прислушалась к ней и без колебаний последовала её советам. Она умела достучаться до твоего сердца, заставить тебя задуматься о важности твоего выбора».

Темпест замолчал, упоминание «её» задело его за живое.

Признал он, его голос смягчился.

«Леди Фурина... Если бы она попросила меня быть более сострадательным, я бы так и сделал, хотя, вероятно, мне было бы трудно это сделать».

Он отвел взгляд, погружившись в раздумья, и воспоминания о её теплоте и пронизательности наполнили его разум.

"Но дело не в ней".

Темпест продолжил, сталь вернулась в его голос.

«Речь идёт о выживании и необходимости действовать. Я не могу позволить сентиментальности влиять на мои решения, когда на кону жизни и ресурсы. У нас есть цель, и я не сдамся. Если мне нужно действовать решительно, я так и сделаю».

Нахида смотрела на него со смесью сочувствия и разочарования, в её глазах отражался внутренний конфликт.

«Я понимаю, что тебе нужно действовать, Темпест. Но помни, что выбор, который ты сделаешь сегодня, повлияет не только на твоё будущее, но и на будущее окружающих тебя людей. Ты сильнее, чем думаешь, и проявление сострадания не делает тебя слабым. Оно само по себе может быть мощной силой».

"Я ценю твою заботу, Нахида".

Он ответил, и выражение его лица слегка смягчилось.

«Но мне нужно идти своим путём. Я буду нести бремя своего выбора, и если для того, чтобы получить то, что нам нужно, придётся пойти на крайние меры, то так тому и быть».

Он повернулся к ней лицом, его решимость была непоколебима.

«Поверь, что я сделаю всё необходимое, даже если для этого придётся в одиночку принимать трудные решения».

— Ну же, давай вернёмся в лагерь.

— мягко сказал Темпест, наклонившись, чтобы осторожно поднять Нахиду на руки и покачать, как ребёнка. Это был нежный жест, краткий миг лёгкости посреди серьёзного разговора.

Нахида посмотрела на него со смесью удивления и раздражения в глазах.

«Я всё равно буду советовать вам делать больше, чем просто необходимые действия, нравится вам это или нет».

Заявила она твердым, но игривым тоном.

Темпест слегка усмехнулся, чувствуя, как от её настойчивости по его телу разливается тепло.

— Я знаю, что ты это сделаешь, молодой паша. И я постараюсь не прибегать к насилию.

<http://tl.rulate.ru/book/123082/5157106>